SIC TRANSIT GLORIA MUNDI*

(или Горби-2)

Вот слушай, друг мой, — в этой истории, рассказанной мне туристом-любителем у костра на берегу горной реки, что-то есть. Может быть, как раз то, что нужно, — недостающее звено в логике существования. Вполне допустимо, что мысли, высказанные здесь, ошибочны. Но с той же долей вероятности они могут оказаться истиной.

1. ВПЕРЁД - В ПРОШЛОЕ!

М ы с моим приятелем Максимом встретились для привычной кофейной беседы. Это была наша давняя традиция. Каждую пятницу в моём жилище два друга детства вели философские беседы за чашечкой свежезаваренного любимого напитка. Выбирали для церемонии всегда один и тот же сорт — кофе в зёрнах «Арабика». Мололи в ручной старинной кофемолке.

Этот маленький механизм, когда-то любовно сделанный мастером, с восточной гравировкой на крышке и боковой поверхности, казалось, имел душу. Только эта кофемолка давала нужный помол, когда зёрна, не превращаясь в обезличенную муку, отдавали всё необходимое, сохраняя фантастический аромат сортового кофе.

Священнодействовали на кухне, а потом сидели за маленьким

столом перед открытым балконом. Вдыхали сочный аромат, вьющийся над фарфоровыми чашками, беседовали, наблюдая со зрительским пристрастием за преходящими картинами суетного мира.

Экран рябил, как всегда, потому что вместо антенны в укромное гнездо в задней стенке телевизора была втиснута алюминиевая проволока. На единственном канале шла девяносто девятая серия милицейского детектива с курносой рыжей барышней в роли майора МВД. Каждый раз при её появлении всплывали в памямирно строки поэта, рившего бессмертные шедевры где-то за океаном - в комфорте жилого фонда Нью-Йорка: «Там были сто два генерала, И каждый услышать хотел, Зачем либералу давала Сотрудница внутренних дел...»

Людмила Максимовна КОЗЛОВА— автор нескольких десятков книг поэзии и прозы, изданных в России и за рубежом. Лауреат многих литературных премий, в том числе им. В.М. Шукшина, С.В. Михалкова, премии Славянского общества, премии Алтайского края в области литературы и других. Член Союза писателей России и Всемирной корпорации писателей. Редактор и издатель журнала «Огни над Бией», литературный редактор журнала «Бийский Вестник».

Живёт в Бийске.

^{* –} Так проходит мирская слава (пер. с лат.)

Именно эти строки, а не чтолибо иное — героическое и правильное, рождал образ этой бестии с бесстыжими стреляющими глазками. Даже и на девяносто девятой серии не хотелось верить в пламенное сердце, бьющееся только ради справедливости и защиты трудового народа.

В недрах улиц, в дебрях частного сектора, как под ножом, визжал ребёнок, принимая ежедневную порцию воспитательных мер. Тощая чёрная кошка не спеша шла через проезжую часть. Было видно, что в пути задумчивое животное успевало вспомнить счастливое детство, бурную юность, рассмотреть всё важное в настоящем и сориентироваться в будущем. Кошка знала, что в ближайшие десять минут асфальт будет свободен - журчание двигателей ощущалось примерно на расстоянии трёх километров.

Пахло дымком — где-то в садах, за трамвайным полотном, домовитые тётки и дядьки жарили шашлыки, топили бани, заваривали чай — готовились встретить очередную субботу, до отказа набитую трудами праведными — заготовками овощей на зиму, сбором фруктов, поливом грядок и прочими душевными заботами.

У входа в подъезд выстроились в ряд разноцветные табакерки легковых авто. Входили и выходили деловые и праздные граждане, каждый раз нажимая кнопку домофона. Журчащий звук его сигнала издалека напоминал песнь райской птички. Скрипели древние качели — на них в блаженном расслаблении сидел взрослый дяденька с портфелем. Склонив голову, болтая ногами, он, казалось, навсегда погрузился в плюсквамперфектум — в золотые

дни детства. За чертой видимого, в невидимых просторах, гудел и жил своей пыльной жизнью город. Временами его дыхание, подобное зловонному рыку Змея Горыныча, напоминало о бренности и опасности всего сущего.

Было как-то тесно, суетно и почему-то - печально. Вспоминалось глубокое и далёкое прошлое, которое продолжало жить - казалось, не только в памяти, но и в реальности - там, за пожухлой, жестяной, готовой упасть листвой тополей. Там, за какимито домами, трубами, вывесками, за елями и соснами, за полями и озёрами. Там – где-то на излучине обмелевшей реки, среди жёлтого венчика кувшинок, должно было жить, всё так же и тем же, любимое, реальное, вечное, красивое и юное прошлое. Оно продолжало набегать прохладными волнами на песчаные дюны. Звало еле слышным голосом кукушки, шептало на речном перекате, сверкало солнцем в водах реки. И странным образом продолжало питать душу, словно там навсегда остался твой двойник.

Веришь-нет, но я это знал всегда.

Поэтому спокойно, холодно относился к враждебветру окололитературных HOMV Литература стала местом силы – единственной точкой опоры в миру. Я, давно по воле обстоятельств оставшись выпускал журнал, где бесплатно публиковались местные авторы. Выпускал на свои средства, то есть за копейки. Считал, что где-то обязательно должно ждать людей то, что не продаётся и не покупается. Ну, представь себе мир, где нет ни одной ценности, которую нельзя было бы купить или продать. Ничего более страшного и не придумаешь!

Издание журнала малым тиражом по силам любому, кто захотел бы этим заняться. Но желающих не находилось, а вот завидующих образовалось множество. Завидовать можно было лишь моей целеустремлённости — больше причин для зависти не было. Но почемуто все решили, что у меня – денег куры не клюют.

Упорно пропускали мимо ушей мои высказывания о том, что доход у меня такой же, как и у всех, а вот мышление — другое. Скорее всего, не пропускали мимо, а просто не понимали, о чём я говорю. И завидовали, и злобствовали, и злопыхали. Точно по тексту:

«Люди всему позавидуют – надо, не надо: Если вы Гойя – завидуют горечи взгляда, Если вы Данте – они восклицают: «Еще бы! Я и не то сочинил бы в условиях ада!»

Это Новелла Матвеева, друг мой. Сначала меня удивляла вот эта неприкрытая ненависть-зависть, а потом... Я стал даже получать удовольствие, наблюдая конвульсии всех этих тёток и дядюшек, мёртвой хваткой вцепившихся в свой жалкий кошелёк, дружно вопящих о нехватке денег, о каких-то трудностях со здоровьем, о великой нужде экономии.

Мне даже понравилась картина грандиозно изображаемой ими нищеты. Они искренне — ну, насколько может быть искренним Кот Базилио — вопили о «трёх корочках хлеба». Великая вещь — сказка! Они так старались увлечь Буратино в Страну Дураков, заставить посадить монеты в землю... ну и так далее! А Буратино никак не хотел оправдывать их надежд и продолжал тратить свои «золотые», как считал нужным.

Коты Базилио и Лисы Алисы мечтали даже упрятать Буратино за решётку. Уж если нельзя отнять «золотые», так хотя бы наказать их владельца! Они продолжали ходить по пятам за Буратино и мечтали, что однажды появится Карабас-Барабас, который и бросит строптивца в тюремные застенки.

А Буратино, слышишь, друг мой, как и полагается, продолжал жить в созданном им театре, где поэты писали стихи, а сказочники сочиняли сказки. Каждый – свою!

Ну, да ладно! Что-то я скатился на сказку. А между тем, речь пойдёт не об этом. Мы с Максимом всегда знали, что всё это пустяки по сравнению с простым неразрешимым вопросом: Что такое жизнь? И именно – жизнь одного человека? О, друг мой, из этого вопроса проистекает всё Зло мира, потому что люди не знают ответа. Ты удивишься, но ответа не знает никто – ни мудрецы со дней Пифагора, который, как мне кажется, ближе всего подошёл к истине; ни самые простейшие, кого называют дураками или юродивыми.

Пифагор во времена, когда компьютеры не возникали даже в самых отчаянных фантазиях самых талантливых философов, утверждал, что миром правят числа, то есть — ЦИФРА. И вот, наконец, спустя всего лишь несколько тысяч лет, мы начинаем понимать, О ЧЁМ он говорил.

Зато мы так и не поняли – какова роль каждого из нас в этом цифровом мире. А между тем, человек – носитель кода – набора цифр

начиная OT секунды, минуты, часа, даты рождения, цифрового изображения его личного генома и заканчивая датой, часом, минутой и секундой его смерти. Условно это выглядит так: HS -11.01.1937цифровое изображение - имя -13.01.2013. Это индивидуальный код в программе по имени «Жизнь». Всё, что каждый из нас может и должен исполнить, записано в геноме, помеченном именем. Имя отражает индивидуальные особенности генома, то есть генетическую программу по имени Джордж (например). Увы, что из этого следует?

Первое, что приходит на ум, мы – роботы. Так же, впрочем, как и все животные. Друг мой, когда начинаешь понимать это, осознаёшь и цель своего прихода на эту планету. Логика подсказывает, что геном даёт путь, а цель может быть только одна – наработка твоей личной программы, которая называется «Дух». Если кому-то не нравится это слово, пусть найдёт другое. Но, как ни крути, как ни жонглируй словами, а твою личную задачу за тебя не решит никто.

Ты рождён именно для этого. Другими словами, за тот период, который тебе отпущен, ты должен стать равным Богу, Творцом. Должен создать и укрепить свой личный Дух. Это значит — стать Живым и бессмертным.

Удалось ли это кому-либо? Трудно сказать. Попытки были. Взять хотя бы бурятского ламу Итегелова. Ну, ты знаешь эту историю. Он хотел доказать, что человек бессмертен в прямом смысле, то есть в теле. Но что-то не сработало. Хотя ему многое удалось. Тело сохранилось в живом состоянии, но Дух, похоже, не захотел возвращаться в свою прежнюю

обитель спустя 70 лет после ухода в сон (смерть).

Люди, которые не задумываются о цели своего появления в мир, проживут жизнь только в теле, в действиях, диктуемых программой генома. После чего геном будет расформирован. Остаются в памяти цифрового мира лишь твои личные наработки — Дух. Так что работай над собой день и ночь, друг мой: «Не спи, не спи, художник, не предавайся сну. Ты — вечности заложник, у времени в плену». Борис Леонидович был прав.

Мы с Максимом говорили об этом не в первый раз, но КТО захотел бы нас услышать? Думаю, никто. Ну, да ладно, сказать себе – это уже много! Но КАК создаётся Дух? Обращением к Богу? Да. Но только ли так? Ответа нет. Вот так мы и ходим по кругу – в Лабиринте. А пока блуждаем во Тьме, думаем, ищем, миллионы тел просто действуют. Зло живёт! Да как живёт! Процветает и плодит ядовитые цветы.

Может быть, стОит вернуться в прошлое: кажется, там каждый из нас знал всё. Действительно, дети знают всё. Это значит, они знают, зачем мы живём. Знают, что такое Добро. Они приходят в мир, принимают его, впускают в себя. Живут. Для них мир – чудо!

Недавно довелось посмотреть фильм о молодых людях, которых снимают в кино, начиная с детского сада. Проходит семь лет, и по замыслу режиссёра с каждым из них снова записывают видеоинтервью. Задают одни и те же вопросы, в основном о том, что думают киногерои о жизни. Удивительно, но в фильме отчётливо видно, что уже в детском саду дети несли в себе всё, что проявилось во взрослом состоянии.

Но при этом взросление не давало каких-то преимуществ. Наоборот - ощутимы были потери. И главная из них – утрата гениальности. В детстве все они были маленькими гениями, уверенными в себе, уверенными в том, что мир есть Добро. Постепенное узнавание Зла отнимало у них божественность. Печально было видеть, как гениальные создания, взрослея, превращались в обычных средних людей. Неглупых, образованных, в чём-то интересных, но впечатление погасшего внутреннего света оставляло тяжкий отпечаток.

Ну, вот так, друг мой, мы с Максимом каждый раз в конце беседы и возвращались в начало пути. Оглядывались вокруг. И что же вилели?

Экран рябит, идёт сотая серия бесконечного детектива, в джунглях улиц визжит ребёнок, у подъезда паркуются и отчаливают разноцветные автотабакерки... Суетно и печально. Но это потому, что потеряно детское ощущение жизни.

В общем-то, нам нужна была малость – продолжить логически наши рассуждения, то есть перейти к действиям.

2. КРАСНОАРМЕЕЦ

С егодня наша беседа клонилась именно к такому кардинальному выводу. Мы говорили о том, что если взглянуть на жизнь с высоты – высоты опыта и просто с высоты – из космоса, то картина будет примерно такова – середина года, планета кипит. Этот старый перегретый котёл похож на волшебный горшочек с кашей. Кто-то когда-то неосторожно ляпнул: «Горшочек, вари!» И пошлопоехало!

И вот уже радиоактивная и нефтяная каша ползёт в океан. Мезозойские льды на полюсах и горных перевалах тают, как мороженое на блюдце. Птицы падают на землю, мёртвые рыбы тысячами лежат на берегах морей, дельфины и киты выбрасываются на сушу. Матери выкидывают своих детей из окон многоэтажек, оставляют на погибель в лесу или просто на улице. Свалки мусора приобретают угрожающие всемирные размеры. Война в Ливии, Сирии, Египте, на очереди – Иран. Кризис в Европе, потоки мигрантов и беженцев, засуха в Испании, США и России, глобальные лесные пожары. Землетрясения в Сибири, на Камчатке, в Японии, Иране. Идёт суд над Брейвиком — Норвежским Стрелком, террористом, погубившим семьдесят семь человек. Абсурд, кипение и суета. И даже грандиозное шоу будущих Олимпийских игр не делает картину более мирной.

И всё это не оставляет человеку надежд на его личную жизнь. Нет, это не то, что ты сейчас подумал, друг мой. Личной жизнью, в моём понимании, называется работа души. Тело всегда найдёт себе укромный уголок, а вот душа... В суете страстей и плотских желаний душа бесприютна. Ты бежишь в магазин или на работу, едешь в транспорте, читаешь книгу или газету – а душа в это время блуждает среди вещей и людей и не находит себе пропитания. И так изо дня в день. Ночью стучится в сны, пытаясь разбудить, но ты не понимаешь, кто и зачем тебя достаёт. Отмахиваешься от неясных образов, просто забываешь их утром.

Вот поэтому мы с Максимом задаём друг другу вопросы. Как будем жить дальше? Неужели вот так, как сейчас, и всегда?

Нет, мы не станем зарываться в землю, как мусульманский пророк в Татарстане. Мы уйдём в тайгу. Возьмём пример с умного олигарха Стерлигова. Строить в таёжном краю жилища с нуля – даже в этом нет необходимости. Есть же гдето брошенные деревни, крепкие дома, в которых никто не живёт. Три тысячи деревень ежегодно становятся призраками в России. Страшно даже представить себе такое количество немых, пустынных, когда-то цветущих сёл. В них рождались дети, строились новые дома, цвели яблони и картошка в огородах, бродили коровы, кричали петухи на заборах. Шла осмысленная жизнь. Куда, в какую чёрную пропасть упало всё это? Оживить хотя бы одну из мёртвых деревень - это уже подвиг.

Мы с Максимом не олигархи, но увезти в тайгу всё необходимое, и даже мини электростанцию на солнечных батареях, это нам по силам. Ведь мы уже давно пришли к пониманию - нет смысла кипеть в общем котле. Тайга и жизнь в осознанном труде даст то, что ищем. Мы молоды, сильны, многое знаем. Имеем ли право оставаться в нашем маленьком городе? Работать бесплатно или «манагерами» в каких-то фирмах (так мы называли менеджеров продаж) - судьба не из лучших. Судьба, в которой никогда не станешь творцом собственной жизни. Что-то удалось заработать в городской суете. И это что-то мы мечтали положить в фундамент будущего. Трудности не страшны. Страшно утонуть в

болоте, захлебнуться зловонной жижей, каждую минуту ползущей из старательного неутомимого «горшочка». И не заметишь, как превратишься в призрака этого болотного царства.

Вот так, друг мой, мы решили круто изменить жизнь. Это были, пожалуй, лучшие минуты в нашем существовании - прорыв в НАСТОЯЩЕЕ. Мы оба чувствовали одно и то же - нерастраченные запасы душевной энергии требовали выхода. Город, как злой Анубис, запечатал наши души наглухо. И не собирался открывать бетонного саркофага. Помните Высоцкого: «Спасите наши души, мы бредим от удушья... Сигнал всё глуше, глуше...» Вырваться из плена могли только мы сами. Бездействовать было уже нельзя. Оставалось лишь найти адрес того места, где ещё не так давно пробивалась родничком деревенская жизнь, где стояли, дожидаясь нас, пустующие дома. И мы нашли то, что искали. Интернет – великая вещь! Справочник по всем вопросам.

Десять лет назад в горах Кузнецкого Алатау в тайге жили люди. Это было маленькое село с революционным именем Красноармеец – десятка четыре домов, молочная ферма, овчарня, лущильное производство кедровых орехов, заготовка и сушка грибов и ягод, аптечных трав, огородничество. Примерно километров сто пятьдесят до действующей автомобильной трассы, но грунтовая дорога к селу, обычно каменистая в таких местах, должна была остаться. Природе совсем не трудно стереть следы человека, но дороги всегда живут долго – земля помнит и хранит пути, по которым прошли тысячи душ. Село стояло на берегах горной реки. Чёрный Ключ – так значилось её имя на карте. Когда-то там был колхоз, потом – совхоз...

Мы с Максимом решили создать ферму. Ведь жили же люди веками именно в этом месте. Разве мы хуже или слабее их? Ни у меня, ни у Максима не было семьи. Мы только мечтали о красивых и нежных жёнах и дюжине любимых

детишек. Нас ничто не удерживало более в каменных джунглях. А Красноармеец уже поселился в душе и ждал. Мы чувствовали — заждался — зарастал дикими травами, тонул в тишине, в ветрах и дождях, слушал песни синиц, но всё ещё маячил шиферными или какими-то другими крышами и хотел восстать из омута забвения.

3. ПРОЩАЙ...

В еришь ли, друг мой, – мы действительно решились на исход из города. Может быть, время для этого было не очень-то подходящим – заканчивался июль. Не за горами – осень. Ты, конечно, понимаешь, что такое осень в необжитом доме, где нет тёплых батарей, водопровода и прочих благ цивилизации. Но жить в ожидании лучших времён уже не могли. Когда человек захочет сделать что-то по-настоящему, все отговорки исчезают сами собой. И тогда, как говорится, открываются все пути. Вот и для нас наступил такой момент. Составили список необходимых вещей – должны были добыть их в кратчайший срок, загрузить в наш купленный вскладчину внедорожник, и... прощай, любимый город!

В деталях представили своё появление в деревне-призраке, чтобы понять — что понадобится хотя бы на первое время. Не буду утомлять тебя, друг мой, перечислением всех мелочей — это не очень-то интересно. Вначале планировали только осмотреться — увидеть наше место жительства, так сказать, в натуре. Вот там и станет ясно, что сохранилось из брошенного скарба, какие дома пригодны для жилья. Тогда можно будет уже привезти всё осталь-

ное. Мы надеялись, что во глубине диких гор, вдали от человека, многое осталось нетронутым. А звери редко делают бывшие сёла своим местом обитания — настырный дух людской отпугивает их.

А пока включили в дорожное обмундирование то, что берут с собой туристы в дальний поход: рюкзаки с домашним скарбом — посуда, спички, зажигалки и прочее. Электробритву, штормовки, спальные мешки, брюки, рубашки, ботинки горные, перчатки рабочие, инструмент — молотки, лопаты, топоры, ломик, гвозди, пилы, дрель и прочее, прочее. Постельное бельё, еду на две недели — консервы, китайскую лапшу, хлеб, овощи, чай и даже фрукты.

Жаль, но вот моего любимца, кота по имени Барселона, пришлось поручить соседке. Взять с собой этого бродягу не решился. Коты привыкают к дому. Оказавшись в незнакомом месте, обычно убегают в поисках прежней жизни. Потерять такого красавца, бездельника и обжору, хулигана и друга, было выше моих сил. Мы давно и нежно любили друг друга, но и соседка нашла ключ к сердцу рыжего. Он не мог устоять перед её мясными котлетками. Как она их готовила, неизвестно. Но самую дорогую колбасу Барселона игнорировал, а котлетки поедал, заслоняя добычу когтистой лапой. Соседка каждый раз с умилением наблюдала за пиршеством и готова была подкладывать своему любимцу в чашку всё новые яства. Так что рыжий друг оставался в надёжных руках. Тут я был спокоен. Хотя и предчувствовал, что мне будет не хватать его наглой уверенности в моей любви.

И вот настал момент, когда багажник, и вообще все свободные закоулки внедорожника, заполнились до отказа нужными вещами. Мы с Максимом стояли возле машины, улыбаясь с чувством выполненного долга. Пусть нас ждала ещё одна ночь в городе, неизбежная и долгая, но заветное утро — начало новой жизни — приближалось с каждой пролетевшей минутой. Каждый чувствовал это — душа пела и рвалась на свободу.

Будильник зазвенел ровно в пять. В тёплой постели остались недосмотренные сны, а в тишине пустого жилища — все надоевшие городские заботы. Мой рыжик

Барселона сладко потянулся, перевернулся на другой бок и лениво посмотрел на меня пришуренным зелёным глазом. «Прощай, друг Барсик, — сказал я. — Скоро придёт тетя Маша с твоими любимыми котлетками. Веди себя пристойно. Не скучай. Мы ещё увидимся». Взял ключи от машины, пакет с документами и с пятого этажа нырнул в июльское утро.

Рядом с моим домом в такой же квартире в сонной полутьме происходило примерно то же — мой соратник Максим в последний раз пил кофе на маленькой кухне. С одной лишь разницей — у него не было такого друга, как у меня. Так что прощаться ему пришлось разве что с домовым.

Ровно в 6:00 внедорожник вынес нас на новенький асфальт федеральной трассы — среди июльских полей началась дорога в новую жизнь, где давно ждал гостей забывший человеческие голоса, одичавший в объятиях гор Красноармеец — наш, выношенный в мечтах, родной и уютный, хотя и незнакомый — пока.

4. ГОРЫ ЗОВУТ...

вот что скажу я тебе сей-А вот что скажу и тесе сел. час, друг мой, – хороша бывает полевая дорога летом! В открытые окна на ходу залетали бабочки и ароматы диких трав. Всё цвело, благоухало, пело и неслось навстречу автомобилю. Настроение было сияющим, как и только что начавшийся день. Поля цветущего подсолнечника, гречихи, кукурузы, сёла с придорожными магазинчиками и одинокие маленькие кафе с камуфляжными навесами, земляничные пригорки, серебристые заросли ковыля – всё это жило своей, затаённой жизнью, мимолётно пролетало за окнами и оставалось где-то позади — в чужом пространстве и времени.

Горы приближались, восставая на линии горизонта синими громадами, и постепенно расцвечивались красками лета. На вершинах кое-где лежали ночные туманы, готовые вот-вот подняться и улететь белыми облачными картинами в ультрамарин неба.

Не доезжая нескольких километров до известного курортного городка, свернули направо. Дорога пошла вдоль горных хребтов.

Вдали на взгорьях отдавали цинковым блеском крыши коттеджей, видны были купола церкви. Заметно выделялась канатная дорога на одну из вершин - механический подъёмник для туристов. Справа город выбегал на увал. Там рассыпавшимся цветным муравейником казались новенькие дома под черепичными крышами. Но и эта весёлая картинка осталась позади. Мы продвигались среди полей, погружаясь в их ароматы и краски, - цвела гречиха, колосилась пшеница. Зелёными квадратами раскинулись посевы свёклы. Вдали между пригорками в зарослях кустарников мелькала серебряная лента реки. Город, как плохой бегун, потерявший форму, оставался где-то позади. Всё дальше и дальше от его нездорового тела уносил нас автомобиль.

К обеду прибыли к затяжному подъёму — он известен был как Кружалова гора. Длинный, пологий уклон, по которому, петляя между скал и зарослей колючих кустарников, дорога уходила ввысь. Остановились на обед. Бутерброды с колбасой и огурчиками, чай из термоса. Эх, как это было не похоже на городские посиделки на кухне!

Рядом с нашим «столом» цвела душица, в отдалении качались на ветру огромные ромашки и золотые метёлки зверобоя. Золототысячник, розовые полевые мальвы, синие скипетры живокости, жёлтые свечи медвежьего ушка — десятки цветущих трав. Мы сидели в раю. Пили горячий чай. И не верили, что вырвались из бетонного плена, который держал нас столько лет.

Странно было думать о наших прежних сомнениях – от них не осталось и следа. Неужели мы

могли бы продолжить городскую жизнь и не оказались бы сейчас вот здесь — на полпути к таёжному счастью. Хотелось лечь в эти травяные кущи, спать сладким сном и видеть волшебные сны. Но перед подъёмом надо было осмотреть машину — колёса, «железо», тормоза. Не известно, как поведёт себя наш «ягуар» в горных условиях, если где-то есть «червоточина». Но всё оказалось в порядке. Передышка закончилась.

Нас ждала, звала дальняя дорога. Сердце и душа откликались на этот зов. Нетерпение охватило и меня, и Максима. По расчётам, прибыть к месту будущего жительства можно лишь вечером, поэтому сидеть в мечтаниях было некогда. Собрали свою скатертьсамобранку, уселись в машину, переглянулись.

- С богом! сказал Максим.
- Лёгкого подъёма! Гора шутить не любит.

впрямь оказался Подъём И долгим. Наш «ягуар» не подкачал – рычал, напрягался, медленно, но неуклонно полз вверх. Мы мысленно «подыгрывали» машине, уверенные, что мысль тоже незримый помощник. Временами дорога петляла между скал, как след зайца. Казалось, мы заплутали и движемся уже не вверх, а вниз. Но дорога снова устремлялась вверх – к небу. Закончился этот затяжной отрезок пути как-то неожиданно. Когда мы уже привыкли к мысли, что гора бесконечно «уходит» от нас, машина вдруг взлетела на вершину перевала.

Там, возле группы скальных выступов, увидели туристов. В девяностые годы, когда страна упала в яму инфляции, казалось – туризм исчез навсегда. Хождение в природу в те времена замер-

ло. Турист стал редкой фигурой. Но эта азартная игра ещё со времён Афанасия Никитина вошла в плоть и кровь многих. Заболевший ею уже был неизлечим. Вот и сейчас профессиональные бродяги, дети экстрима и романтики, возле костра зажигательно танцевали ламбаду. Азартно и весело звенела гитара в унисон мелодии из радиоприёмника. Прижимаясь к соснам, стояли двухместные палатки цвета «хаки». На верёвке, натянутой между сосен, висели разноцветные футболки – просыхали на ветру после трудного марш-броска. Над огнём в котелке варился суп, вкусно пахло дымком. Туристы собирались насладиться видом скалистых гор и рас-

положились здесь основательно. Вид, действительно, был фантастическим - голубая горная страна величественно раскинулась огромным массивом на запад и юг. Вершины, одна причудливее другой, толпились группами, торчали одиноко и сумрачно, соседствуя с каньонами, долинами, упираясь в небо, убегая вдаль. Покрытые сосновыми лесами, берёзовыми зарослями, кустарниками или каменными россыпями горы, казалось, дышали и пели. Вольная вечная песнь горных просторов песнь высоты, ветра и неба.

На востоке, внизу — жёлтозелёным бескрайним ковром лежала июльская степь. На её цветочном теле серебряно сверкали нити рек и ручьёв. Далеко, где-то за горизонтом, всё ещё было заметным серое пятно города с игрушечными, похожими на спички трубами ТЭЦ.

А мы, помахав туристам из окна, двинулись вдоль по перевалу – дорога некоторое время вела по горному плато, петляя между

островками сосен и скал, а потом ушла вниз. Ещё несколько перевалов ждали наш внедорожник — крутые повороты, белые воды реки внизу, узкие мостки через горные ручьи. Сначала — на запад, потом — на юг, снова — на запад и, наконец — на север.

Так мы пробирались к повороту, где начиналась каменистая дорога на Красноармеец. Время от времени сверялись с картой. Блаженное ощущение полёта к мечте не оставляло нас. Всё время улыбались, не в силах сдерживать рвущиеся наружу, какието младенческие, первозданные чувства. Каждый из нас видел себя как будто со стороны - и не узнавал. Правильное решение и поступок изменили нас – недавно, всего несколько дней назад родились два новых человека, готовых расти, взрослеть и отвечать свою жизнь.

Прибыли на перекрёсток шестнадцать часов. Чувствовалось дыхание необитаемых гор, нетронутой тайги. Запахи диких трав, какой-то моховой сырости, хвойный дух – всё это сгущалось, становилось плотным, заполняло кабину. Мы погружались в горы, как ныряльщики уходят в океан – чем больше глубина, тем ощутимей давление вод. Кедры подступали вплотную к узкой боковой дороге, по которой предстояло добираться до места. Виден был только небольшой отрезок пути – до крутого поворота, вымощенный крупными серыми булыжниками. Округлые камни наполовину ушли в землю, поросли муравой и лишайником. За поворотом мерещилась избушка Берендея или гнездо русалки на дереве. Где-то трещала сорока, предупреждая лесных друзей о незваных гостях.

- Нас заметили, сказал Максим. – Слышишь, барабанным боем встречают!
- Эй, лесовики, будьте наготове, крикнул я. Русские идут!
- Это нам надо быть наготове.
 Незваный гость хуже, сам знаешь кого...

Остановились, перекусили побыстрому и снова в путь! Дорога, на удивление, была вполне пригодной для езды. Если не считать непрерывной тряски и мохнатых хвойных ветвей, которые бороздили по стёклам машины. Казалось, идёт испытание наших тел на космическом тренажёре. Постепенно мозги сбивались в гоголь-моголь.

Временами дорога была видна только на десять метров вперёд. Даже солнце, всё ещё висевшее над кромкой гор, не спасало — мы периодически проваливались в сумеречное хвойное царство. Конечно, скорость, с которой машина пробиралась по булыжному покрытию, оставляла желать лучшего. Но мы продолжали движение — нетерпение нарастало. Хотелось как можно быстрее добраться до цели.

– Давай, друг, давай – не подведи! – бормотал Максим, когда колесо попадало в очередную выбоину. Но наш «ягуар» справлялся с любыми препятствиями. Хвала нам – мы выбрали достойную машину – знали своё дело.

Неожиданно из-за бугра вынырнула избушка на курьих ножках, по самые окна заросшая травой – казалось, та самая, берендеева. Широкая поляна, вокруг – море цветущих трав, и алыми вкраплениями в этом разноцветном море — огромные махровые венчики декоративного шиповника. Когда-то хозяин посадил его для украшения двора. Высокими

стайками над травяными волнами, то здесь, то там – берёзы, черёму-ха, яблони.

Мы поняли — здесь наше будущее жильё. Вокруг — цветы, кедры, берёзы, широкая пойма горной речушки — вполне спокойной в этом месте. А впереди, как маяк, далеко за грядой кедрача видны были лежбища ледников. Что это — Белуха, Хан-Тенгри или местные безымянные вершины? «Разберёмся!» — подумал я.

Вышли из машины. И оказались в плотных зарослях трав, молодого тополиного подроста и кустарниковых. Как ни живописны были дружные таёжные дебри, пришлось взяться за их искоренение — поработали для начала косой, топором, хрупкие стебли трав просто притаптывали ногами. Запахи потревоженных трав и кустарников, казалось, сбивали с ног — десятки оттенков, тонов и полутонов накрывали нас с головой.

Сорока трещала непрерывно уже где-то рядом, словно выстреливала короткими очередями: «Кто такие? Что надо?» Через полчаса пятачок свободной земли вокруг внедорожника уже был отвоёван для фермерской жизни. Смахнули пот, посидели пять минут и отправились на разведку надо было осмотреться. Тут уже просто продирались сквозь заросли крапивы, малины, молодого черёмушника, одичавших кустов слив и яблонь - того, что когдато росло в каждом дворе возле жилищ.

Красноармеец был основательным селом. Дома из кедрача и лиственницы – крепкие и вместительные – нисколько не испортило время безлюдья. Даже оконные стёкла в почерневших переплё-

тах рам слюдяно сверкали из-за ветвей. Поразительный контраст с городскими и нынешними сельскими порядками. Сейчас, если здание окажется необитаемым, то не сдобровать и стенам, не говоря уже о стёклах. Дух вандализма давно поселился в людях.

А здесь всё осталось, как было. Удивительно, как могли люди, отстроившие вот такие дома-крепости, бросить их и уйти. Куда? Неужели привыкли к муравейной жизни в городе? Неужели душа смирилась, согласилась жить в клетке? А дома, вот они — стоят и ждут своих хозяев.

Конечно, из высоких трав и кустарников торчали лишь крыши. Но мы, пробиваясь через заросли, смахивая надоедливую цепкую паутину, находили всё новые и новые избы. Две из них в самом центре села явно служили когда-то культуре и власти. Клуб и контора – так мы определили их назначение. Даже по сегодняшним меркам, это были настоящие хоромы – здесь могли свободно обитать семьи из семи-восьми человек. В каждой обнаружился большой зал и прилежащие к нему уютные некогда комнаты. В конторе их было шесть, в клубе – восемь. Однако сейчас в каждом углу, на потолке, между стенами висели портьеры пыльных паутин.

Но дух человека всё ещё не выветрился — казалось, мы прибыли в гости. Какая-то струна ожидания упруго висела над посёлком — казалось, вот-вот зазвучат голоса и из леса выйдут те, кто жил здесь когда-то. Отдуваясь, уселись на крыльце клуба. Переглянулись и улыбнулись — Красноармеец встретил нас вполне дружелюбно.

Но, друг мой, каждый из нас в этот миг ощутил и некое сожа-

ление о невозвратности былого – крепкие избы, заросшие таёжными травами, залепленные паутиной с сидящими в ней ткачами – лесными монстрами-пауками, то есть картины бывшей жизни, всё это могло повергнуть в уныние мыслящего человека. Жизнь эфемерна, непрочна, всё смертно. Всё легко может быть запорошено вьюгой времени, съедено зыбучими песками забвения.

Прошло десять лет — не много даже по меркам человеческой жизни, но тайга уже приняла в себя село, проросла сквозь него, вознеслась над ним, похоронила в зелёной могиле память о былом. Прошло бы ещё несколько десятков лет, и бревенчатые дома стали бы добычей мхов, влажности, гнили. Оказалось, друг мой, мы с Максимом явились вовремя — многое ещё можно было сохранить.

Отдохнули несколько минут и принялись прокладывать проезд через травы и кустарники, чтобы подогнать внедорожник в центр. Скоро была готова узкая колея в зарослях. Пробираясь в тесном зелёном каньоне, автомобиль прибыл к месту ночёвки. Как добрые хозяева, припарковали его к высокому деревянному резному крыльцу клуба. Разгружаться не стали. Вещи надо было прятать под крышу, а внутри клуба обжилась десятилетняя пыль. Этот лунный грунт мог основательно испортить наши пожитки. Нужна генеральная уборка.

Но уже стемнело, поэтому решили переночевать в машине — это было нелишним, мы пока не знали, промышляют ли на этой территории хищники — волки, медведи. А может быть, и человеки — шатуны... Да и более мелкие пришельцы, типа крыс, тоже не обрадовали бы ночным сосед-

ством. Но вот с чем нам точно повезло — ни одного комара не обнаружили даже тогда, когда пробирались в травяных дебрях. Горы, высота, сухие почвы — не климат для гнуса.

- Чистое место! сказал Максим.
- Ну, да, согласился я. Так ведь соображали, куда ехать. Расчёт, брат, плюс интуиция – великое дело!

5. СТРАНА ГРЁЗ

В сю ночь казалось там, вверху, под облаками, лежащими на белках, туман и снег. Иллюзия приближающейся зимы. Было холодно. Спальные мешки, конечно, спасали, но ощущение неуюта всё равно не проходило. Может быть, причиной тому был не холод, а непривычное безлюдье, которое ощущалось кожей – нервная реакция на тишину. Ночёвка в диких горах, где на сотни вёрст не найдёшь и одного человека, дело не простое. Несмотря на холод, в машине постепенно скопилась духота. Хотелось спать, но уснуть долго не удавалось.

Я приоткрыл боковое откидное стёклышко и подставил лицо холодной струе. В темноте было видно, как петляет ущелье, как колышутся кустарники и кедры, даже заметил каменные изваяния у обрыва — похожие на стоящих сусликов скалы. А вот тумана и снега... не заметил. Наоборот — чистое ночное небо, казалось, висело прямо над головой.

Огромные звёзды смотрели, подмигивая алмазными зрачками, заглядывали в темное тело кабины. Ночной запах влажных трав – яркий и терпкий – тут же хлынул по-хозяйски в нашу спальню на колёсах. От зимних ощущений не осталось и следа – дыхание июльских гор, прохлада, летняя ночь – всё это празднично зазвучало гдето в глубине сознания.

Веришь ли, друг мой, какая-то восторженная тревога захватила душу - хотелось вскочить и немедля начать обустраивать свой новый дом. Занести вещи, расставить по местам, притащить мебель - её мы видели почти в каждой избе. Люди побросали многое, надеясь, видимо, обновить не только жизнь, но и привычную обстановку квартир. А может быть, надеялись когда-то вернуться? Оставляли привычные вещи, чтобы не прервалась нить связи с родным домом. Но получилось, как у охотников оставили припасы в помощь случайным таёжным ходокам.

Я уже мысленно представил себе убранство нашего большого дома. Мы предвидели трудности первой зимовки, поэтому решили обживать только клуб. Хотели опробовать свои силы в роли истопников и добытчиков дров. Ну, а после, конечно, увеличить «жилой фонд» – кому-то занять и здание конторы. Я вообразил, как мы с Максимом будем сидеть в креслах-качалках, пить свой вечерний чай с бубликами - почему-то виделись именно бублики с маком – и беседовать о любимых вещах: о том, что такое жизнь, кто мы в этом мире и насколько мы можем считать себя, ну, не героями Дикого Запада, так хотя бы настоящими фермерами.

Максим спал, как спят дети под защитой мамы — беззаботно и глубоко. Под утро заснул и я.

Снилось что-то неясное – какаято дребедень. Что-то из страны грёз, когда, вроде, видишь нечто, но не можешь понять - что это. Когда хочешь бежать, а не можешь даже и пальцем шевельнуть. Но я всё-таки где-то блуждал, что-то искал, хотя так и не понял – нашёл Какая-то неопределённость, серая туманность преследовала меня. Но закончился сон видением малиновых цветов того самого куста шиповника, который первым встретил нас в Красноармейце. Хороший знак – решил я и стал будить Максима.

Утро выдалось удивительное. Бездонное небо словно колодец в обрамлении синих вершин. Золотое сумасшедшее солнце. Хрустальный воздух. Казалось, его можно потрогать, до того осязаема была его чистота. Жёлтая тропинка бежала вдоль ручья, петляла меж валунов, взбегала под островки кедрачей и сосен. Кто-то облюбовал её для своей пользы – скорее всего, егерь или какой-то крупный зверь. Над вершинами гор белыми хлопьями полз туман. По каменистому взгорью вдалеке тянулась цепочка параллельных тёмных линий – маральи тропы.

Два часа пробродили мы в этом заповедном краю. Не смогли удержаться, хотя знали, что терять драгоценное время не имеем права — слишком много работы впереди.

Но эстет, который жил в каждом из нас, оказался сильнее прагматизма будущих фермеров. Казалось, здесь ничто не изменилось со времён, когда дикие пещерные люди впервые поселились на берегу ручья. Вот так же вздымались горы, плыли облака и дышало теплом с высоты июльское солнце.

Потом — завтрак на веранде нашего кедрового коттеджа за настоящим столом с медным самоваром — вот таким было первое утро в горах. Самовар, совершенно целый, казалось, даже новый, нашли в одной из комнат клуба. Там обитало ещё много полезного добра. Но самовар с обогревом из древесных углей, конечно, был самой ценной добычей.

- Раритет! сказал я, поглаживая медный бок пыхтящего «чайника».
 - А то! отозвался Максим.

После завтрака сгрузили вещи. Я остался осваивать новое жильё, а Максим отправился в райцентр. Он считал, что надо получить разрешение на поселение — для начала хотя бы устное. Если честно, я не видел причин для каких-то запретов, но сообщить о нашем приезде, конечно, не помешало бы. Помахал на прощание Максиму с крыльца, зачерпнул ведро воды из Чёрного Ключа и принялся за уборку клуба, потом стал затаскивать вещи внутрь.

6. ПО СЛЕДАМ БЫВШЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

К вечеру клуб преобразился — стал уютным и просторным жилым домом — сработал эффект присутствия живой души. Ну и конечно, домашний скарб... Я не только занёс вещи, но и притащил частями и собрал две софы, шкаф для одежды, два кресла, обеденный

и письменный столы, шкаф для посуды и много всякой полезной мелочи. Особенную гордость испытывал от найденной в одной большой избе люстры, которую я помыл в реке и немедленно прицепил в центр потолка там, где мы планировали устроить зал приёма гостей.

Досадная мелочь в виде отсутствия электричества совершенно не помешала в благородном деле. Электростанцию мы создадим. В этом я был уверен. Что поможет - ветер или солнце - это уже дело второе. В том, что у нас будет много гостей, не сомневались. Ну, на крайний случай, будем дружить семьями и ходить в гости друг к другу. Вот тогда чудо-люстра и пригодится - она будет освещать наши праздничные вечера. Когда Максим вернулся, кедровый коттедж явился перед ним неузнаваемым.

Разрешение, конечно же, было получено. В этом мы тоже не сомневались. Надеялись на здравый смысл местных властей. Так и оказалось — со спокойным сердцем мы могли начать новую жизнь. Максим долго ахал, изучая наше общее имущество и интерьер клуба, теперь уже родного дома. Мы оба вполне сроднились с ним. Хотя, ещё вчера... Но где оно, это «вчера»? Хотелось повесить шторы, постелить ковры на деревянный пол. Работы в доме хватило бы ещё на несколько дней.

Но всё-таки первое, что предстояло сделать — выкосить лишнюю траву вокруг парадной площади, расчистить и расширить проезд от клуба к дороге. Заделать выбоины, которых обнаружилось немало. Потом обследовать бывшую ферму. Мы хотели знать, что нас ждёт на фермерском фронте. Однако можно было уже предположить, что строить почти ничего не придётся. В Красноармейце всё делали с душой и на века. Уезжать не собирались, да вот не вышло...

Так и оказалось — скотный двор, овчарня, сенник — всё было в добротном состоянии. Скотный двор — длинное, высокое зда-

ние, построенное, как и многое в Красноармейце, из лиственницы, вмещало когда-то около сотни коров. И сейчас здесь всё ещё пахло живым духом молочных бурёнок. Стойла были отшлифованы их шеями и боками, в кормушках проросла трава - «костёр» - корсорт. Похоже, мовой посевной сено, которым в последний год питались коровы, было привозным – со степных просторов. Под крышей жили воробы, семейство сов, шныряли мыши. Бурёнки давно покинули свой сенной дом, а коровий дух всё ещё жил под родной крышей.

Нам не раз приходилось видеть заброшенные фермы издалека — проездом мимо бывших скотных дворов. С большого расстояния они всегда казались похожими на вычерненные ветрами и дождями скелеты динозавров. Но всё это были бетонные или кирпичные постройки с прохудившимися крышами. А вот здесь, когда мы находились внутри, ощутили даже истончённый временем, но всё же слышимый запах бывшей жизни.

Здесь, на ферме, как и в деревне, бурьян задавил дороги, захватил свободные площадки и закоулки. Душистый, но ядовитый вех вздымался выше крыш. Крапива стояла стеной. Эти травы всегда росли в обжитых местах на окраинах распаханных огородов. А когда люди уходили, бурьян захватывал все ранее возделываемые участки. Постепенно этих попутчиков сельской жизни, конечно, вытесняла таёжная флора. Но здесь пока ещё упорно зеленели следы земледелия - прирученные человеком сорняки.

Работы навалилось много. Друг мой, нас это только радовало. Молодая энергия рвалась наружу. Теперь мы могли приложить её с пользой для дела и души. После ДВУХ месяцев корчёвки трав и кустарников, Красноармеец ожил. Ещё бы - мы работали, как воевали - до победы каждый день. Три часа на сон – и снова в бой! От заброшенности и разрухи не осталось и следа. Нет, конечно, мы не восстановили всех изб. не расчистили всех улиц, но теперь всякому прибывшему было видно - здесь живут люди. В горы скоро должна была прийти осень её дыхание уже чувствовалось особенно холодными ночами. Но мы не собирались ждать зимы в бездействии.

Решили – пришло время заготовки кормов для будущей фермы. Мы не хотели откладывать эту идею в долгий ящик. Сено, комбикорм и коров легко купить и в преддверии зимы. Для начала хотя бы с десяток бурёнок. Дорога в посёлок обнадёживала – и коров, и сено можно доставить грузовым транспортом. Тем же путём собирались возить и сдавать на сырзавод молоко. Сотрудничество с сырзаводом должно было стать одним из звеньев нашей фермерской работы. Мы действовали, потому что долгие годы во время кофейных посиделок, обдумывали нашу будущую жизнь. Ещё до приезда в горы наша мечта стала для нас реальностью. Каждый мысленно точно выверил все шаги на этом пути.

Жители райцентра как раз советовали завести коров осенью — за зиму животные привыкнут к месту кормёжки и будут безошибочно находить дорогу домой с пастбища. Когда коровы знают путь на ферму, можно уменьшить время надзора за стадом. Ктото считает этих неповоротливых

животных глупыми. Однако они в поисках свежих трав продвигаются на большие расстояния, но всегда к ночи возвращаются домой. Это, конечно, облегчит нашу будущую работу.

Для охраны подворья и стада на пастбище нужно было найти несколько щенков — подростков. Порода нас не волновала. Если добудем сибирских лаек, значит, будут лайки. Но мы считали, что и дворняги ничуть не хуже. Они неприхотливы в еде, выживают в любых условиях, выносливы, сообразительны и умны. Собаки — это необходимость в горах. Кто лучше предупредит хозяина о приближении дикого зверя или чужака? Кто поможет воспитывать и охранять стадо?

Знаешь, друг мой, у нас всё получилось! Через несколько недель десять бурёнок исправно жевали сено в загонах и выдавали «на гора» по четыре фляги молока. Мы, действительно, чувствовали себя настоящими фермера-Установили миниатюрный генератор. Доильные аппараты изучили на практике - поэтому быстро. За один день. Наше молочное стадо не знало слова «ждать». Молоко требовало выхода. А мы хотели всё уметь, везде успевать. Устремления, желания, возможности и природа сошлись в одной точке в одно и то же время. Процесс пошёл. Поначалу мы уставали так, что вечером, не успев упасть на подушку, проваливались в сон. Но скоро привыкли к новой нагрузке и уже мечтали увеличить стадо, завести кур, кроликов, пчёл.

Наши сторожа – собаки, привыкали к жизни в горах. А мы работали не покладая рук. День на ферме начинался в пять утра,

заканчивался почти ночью. Молоко отвозили в райцентр, сдавали на сырзавод. Прибыль невелика, но для нас это было пока не главным. Мы набирались фермерского опыта. Нам не надоедало раскладывать сено по кормушкам, чистить бока, разговаривать коровьи нашими труженицами – бурёнками. Научились различать их характеры, понимать их настроения и желания. Следили, чтобы коровы не болели. Выполняли все советы ветеринара из райцентра. Давали витаминные добавки, соль и минеральный прикорм.

Весной собирались ещё заняться огородничеством - не для продажи овощей - только для себя. Ну, конечно, думали о будущих Без огорода с детьми семьях. трудно будет прожить. О жёнах и детишках мечтали оба. Что за жизнь без них! Наши старания, как стрела, пущенная метким лучником, имели определённую цель. Но мы должны приобрести такой опыт фермерства, чтобы дом для наших любимых стал крепостью. Только тогда, при полной уверенности в своих силах, можно было защитить семьи. Постепенно мы воспроизводили тот уклад жизни,

который веками давал выживать людям в Сибири. По утрам нас будили уже не синицы, а маэстро — петухи, голосистые певцы горной птицефермы.

Прошло три года. Мы с Максимом наладили хозяйство, быт – научились не просто выживать, но жить в горах. Ферма наша росла, доходы тоже. И бывший клуб, и контора – оба эти дома преобразились. Полная чаша – так можно было назвать наши «поместья». Решили, что пришло время для семейного счастья. Мы давно уже присмотрели себе будущих жён и собирались привезти в Красноармеец из того же райцентра.

Девушки – царевны с крестьянскими родовыми корнями, с хорошим образованием, но и крепкой сибирской хваткой, прирождённые хозяйки фермы. Они уже много раз побывали в нашем «хуторе», радовались вместе с нами, что Красноармеец вышел из долгой спячки, ожил и расцвёл. А главное, главное — мы любили друг друга. Любили так, как будто Ангел стоял рядом. Кто-то сверху, с самого неба, помогал нам. Мы прослыли самыми удачливыми фермерами в округе.

7. НЕЗВАНЫЕ ГОСТИ

И вот, друг мой, однажды поздним осенним вечером, когда все работы на подворье уже закончились, мы с Максимом сидели на веранде, наслаждались ужином, слушали шорох сентябрьского осторожного листопада. Осеннее ненадёжное тепло лежало, как облако, вдоль Чёрного Ключа — весь день дул южный ветер. Только на закате наступило затишье. Прогретый дневной воздух остановился на постой в нашем гор-

ном распадке. Казалось, вернулось лето.

Было тихо, спокойно, как иногда в детстве, когда устанешь после долгих игр. Упадёшь, раскинешь руки, закроешь глаза и слышишь — где-то внутри гудит ток крови — бъётся сердце, а рядом шепчет живой таинственный мир. На ступенях крыльца лежала рыжая охотница-дворняга Найда — она всегда ходила по пятам за нами. Её умная лохматая голова лежала на

лапах, но уши и глаза, как обычно – настороже.

Мечтали о том, как отпразднуем свадьбы, и Красноармеец озарится светом любви и надежды. Приедем на «ягуаре», привезём невест в белых платьях и будем жить долго и счастливо. И умрём в один день.

Вдруг Найда подняла уши, вскочила, залаяла. Как-то ощетинилась, показывая всем видом – надо быть настороже. Прислушались, но кроме шороха падающих листьев – ничего! Решили, что собака почуяла ночную птицу или мелкого зверька, типа бурундука — они обитали во множестве в окрестностях.

Наш вечер, освящённый предвкушением будущего, продолжался. Мы не спеша приступили к чайной церемонии. Так всегда заканчивался ужин. «Индийский чай со слоном», заваренный по всем правилам, был уже разлит по чашкам. Темнота наступала, съедая сумерки, всё ещё наполненные отблесками заката.

Беседа снова прервалась отчаянным лаем Найды. На этот раз ей вторили и остальные наши сторожа. На фоне собачьего хора выделялся бас друга Найды – Смелого. Собаки рвались в сторону дороги. Тут уже и мы услышали мерный звук - казалось, приближается верховой ветер. Но с чего бы собаки стали лаять на ветер? Понятно было - кто-то или что-то направляется в сторону Красноармейца. Егерь появлялся в наших владениях только днём. Ночью же ожидать добрых гостей не приходилось. Мы стояли на крыльце в ожидании.

И тут из-за поворота показалась конная повозка, странно напоминающая тачанку. Но оказалось — это действительно так. Ещё одна, и ещё... Военный обоз времён гражданской войны — такая мысль родилась первой в моей изумлённой голове. Действительно, с тачанок резво спрыгивали люди в необычной, но почти одинаковой форме. Отличия явно происходили от разности воинских званий. Среди прибывших выделялся командир — комиссар в фуражке.

Солдаты все сплошь – в шинелях и шлемах с красными звёздами. Однако пулемёты, карабины, автоматы были вполне современного вида. Это ещё больше озадачивало - откуда явилось такое смешение времён? Фантастика! Но перед нами вполне реально разворачивались кадры военного похода неизвестной конницы, «косящей», как сказали бы сейчас, под Красную Армию. Лязг железа, ржание лошадей, окрики, зычные команды - всё это свалилось неизвестно откуда, словно с небес. Мы стояли в оцепенении, не зная, что и подумать. В сторону крыльца направился комиссар.

- Буржуи? бросил он резко и властно.
 - Фермеры, ответил я.
 - Значит, буржуи...
 - Да нет же! Мы крестьяне.
 - Батраки есть?
- Нет никаких батраков. Сами работаем день и ночь.
- Допустим, так... Накормить отряд сможете?
 - Сколько вас?
 - Двенадцать.

Двенадцать апостолов — почему-то подумалось мне. Хотя библия тут, конечно, была ни при чём. Фантастичность происходящего напоминала странный сон — воскресшая история, давно канувшая в небытие, явилась в посёлок. Его имя вдруг заигра-

ло новыми зловещими красками. Летучий отряд Красной Армии расположился на ночлег в нашем Красноармейце. Отряд, вооружённый боевой техникой, передвигающийся в темноте. Конечно, сейчас мирное время, но солдаты не ходят в поход для прогулки. Какова цель ночного марш-броска? Куда идёт этот странный отряд? Если это учения, то почему в них задействована конница? Кажется, в армии уже давно нет конных частей. Я задавал себе вопросы, осознавая их бессмысленность. Сон! Фантасмагория!

кормить солдат нужно было не фантазиями, а настоящей пищей. Нам пришлось диться. Уж в этом точно не было никаких сомнений. Собрали на стол, что смогли, - мы же не готовились к приходу целой армии гостей. Усталые походники смели всё до последней крошки. Не отказались и от предложенных на десерт арбузов, яблок и мёда. Слова благодарности в наш адрес обнадёживали - если как-то люди говорят «спасибо», значит, у них нет плохих намерений. Но логические умозаключения тут могли оказаться ошибкой. Происходящее не укладывалось в рамки простой логики. Что-то тут было не так.

Комиссар долго расспрашивал о дорогах в горах, о райцентре, о том, кто сейчас у власти. Я отметил, что этот воин ничему не удивлялся. Казалось даже, он просто сверяет наши ответы с известной ему информацией. Просил рассказать о ближайшем уездном городе. Так и сказал — «уездный город» — и улыбнулся. Особенное удовольствие доставило ему сообщение о том, что сейчас идёт 2012 год.

Значит, расчёты оказались верными – мы попали в нужный временной интервал и почти точно – в планируемое место на карте, – сказал он.

Было видно, что это умный, образованный человек, быстро ориентирующийся в обстановке — не случайный назначенец, а командир по призванию. Несмотря на комиссарские замашки, агрессии в нём не чувствовалось.

Мы успокоились и, наконец, решились узнать, что это за отряд и куда держит путь?

- Нет, если это секрет, можете не говорить, – заметил я.
- Думаю, вы всё равно не поверите в то, что расскажу. Поэтому ...слушайте.

8. ТЕРМИНАТОР

В от и ты не поверишь, друг мой, но комиссар поведал следующее.

— Начну с рассказа о себе, — сказал он. — Родился я в 2030 г. — ровно через пять лет после Второй Октябрьской социалистической революции. В 2025 году в буржуазной России произошла революция, освободившая рабочий класс от гнёта олигархов и диктатуры буржуазии. Эти хищники к тому

времени полностью развалили промышленный комплекс, созданный в 20-м веке, и занимались разграблением природных богатств.

Революцию возглавил и осуществил великий вождь Ладимир. Повсеместно была установлена Советская власть – власть рабочих и крестьян. Заметьте, я не говорю «диктатура», потому что главным Законом новой власти объявили Справедливость. Началась

индустриализация страны. После революции олигархи и коррупционеры бежали за границу, прихватив и большую часть награбленного. Но тем, кто остался в стране, нужно было запустить жизненно важные производства, и в первую очередь, в тяжёлой промышленности. Без новых технологий и титанических усилий всё это осталось бы эфемерной мечтой. А новая революция оказалась бы очередным бессмысленным переворотом.

Народ создал свою рабоче-крестьянскую армию — нужно было защитить завоевания Октября. Я оказался в армии, потому что имел хорошее военное образование. Имя моё — Терминатор. Это — подарок отца, воспитанного на голливудских боевиках образца девяностых прошлого века. Друзья называют меня Тёма. Ну, вот в первом приближении вы уже информированы и знаете, кто я и откуда.

- Тёма...гениально! Но это же сказка! воскликнул Максим. Как вы могли попасть в 2012 год, когда родились в 2030-м?
- А вот это особая статья! Несмотря на разграбление страны, наука продвигалась вперёд. Хотя и с трудом деньги, отпущенные на развитие, уходили в бездонные карманы воровского управленческого аппарата. Их аппетитам не было предела. Даже космические спутники в те времена из-за разворовывания средств не выходили на расчётные орбиты, становились мусором в космосе или падали на головы землян.
- Точно! одновременно воскликнули мы с Максимом.
- Да, вот я и говорю поэтому и грянула революция. Учёные получили возможность работать.

Первое, что они реализовали на практике — создали давно существующую в чертежах Машину Времени. Почему именно Машину Времени? Потому что компьютер «Оракул», который планировал будущее, выдал прогноз — в 2011 году в России, а именно, в Сибири, в маленьком селе Иваньково, родился мальчик — Горби Сергеев, который в будущем станет Президентом и разрушит новую Страну Советов.

«Оракул» показал расклад сил – исправить историю безболезненно можно только из про-Думайте, что Считайте, что я - монстр, но мы посланы уничтожить этого мальчика. Пусть наша миссия напоминает голливудский сценарий, но ведь фантастика всегда рождается из реального мира. А история имеет обыкновение повторяться. Второго краха Советской власти допустить нельзя. Мы не собираемся кого-то расстреливать. Всё будет гуманно – мальчик просто заболеет и умрёт.

- Гуманно? Как-то не очень похоже на гуманитарную помощь!
 сказал я.
- Именно, гуманитарная помощь, но только целой стране! У нас нет другого выхода. Тем более что мальчик был оставлен в роддоме. Он сирота при живой матери.
- И что? Сирота значит, его можно убрать? А как же «слезинка ребёнка» по Достоевскому? Не может быть смерть невинного создания основой добрых дел.
- Ну, вот вы и поверили! А между тем, то, что я рассказал, просто слова. Можете относиться к этой истории как хотите.
- Послушайте, но ведь вы и ваш отряд находитесь в нашем

посёлке. И это не выдумка. Военная форма, большое количество оружия — реальность. Для чего всё это? Кстати, почему при той оснащённости науки, которой вы владеете, отряд продвигается на лошадях?

- Мы делаем марш-бросок по горам. Не хотелось, чтобы нас видели люди. А если и увидят, то в их головах не должна поселиться тревога. Верховые на лошадях будут восприняты как артисты, участвующие в съёмках фильма. Это очень удобно, так как наша миссия действительно секретна.
- А как же быть с нами, ведь мы теперь знаем об отряде и его залаче?
- Думаю, вам никто не поверит, так что бояться нечего. Да и позвольте, милостивый государь, сообщить, что всё это - просто шутка. Мы – фаны Красной Армии. Наш поход – это исторический урок, который проходит вот в такой оригинальной форме. Смешно, правда? А вы, сознайтесь – поверили? Поверили мне? Ха-хаха! Кстати, добавлю, что на военном совете, где решался вопрос о походе, присутствовали сто два генерала разных родов войск и секретных служб. И только двое из них высказались против нашей миссии.

Комиссар Тёма улыбнулся и подмигнул нам как старым друзьям.

Упоминание строчки из стихотворения заморского русского поэта «там были сто два генерала» почему-то убедило меня больше всего. Из этой строки, именно из неё, выглянула такая литературщина, такая театральность, что я улыбнулся тоже. Мы с Максимом всё более склонялись к мысли, что действительно имеем дело с артистом, а вся эта история проистекает из сценария. Почти успокоились — решили по возможности подыгрывать, чтобы не испортить сюжет фильма. Актёрская игра была выше всяческих похвал — каждый участник истории с полной отдачей проживал свою роль.

Мешало единственное сомнение — мы ни разу не видели оператора. Но...техническое оснащение современного кино... миниатюрные видеокамеры... Посторонний взгляд мог их не заметить. Тем более что одна из пуговиц на шинели Тёмы подозрительно напоминала скрытую камеру. Это ещё больше подвигло нас «играть до победного конца».

Максим, со своей склонностью к актёрству, принялся расспрашивать комиссара о подробностях будущей жизни, из которой так неожиданно прибыл отряд красноармейцев. Но, странно, и Максима, и меня рассказ Тёмы снова поразил полным отсутствием игры. Достоверность и совершенно объёмная реальность — вот что обнаружилось в его речах. Да, это был не просто талантливый, но гениальный артист!

Думаю, друг мой, стОит воспроизвести монолог комиссара. Простим ему некоторую заданность и лозунговость — это, конечно, издержки революционного военного времени. Издержки роли, в которой жил актёр? Вот что поведал полпред новой Страны Советов.

К 2025 году всем и каждому стало ясно – Россия потерпела позорное поражение в ползучей войне с НАТО. Военные базы «дружественной» армии окружали страну со всех сторон. Она была подобна плохо сделанной вазе из толстого стекла – внутренние силы напряжения, готовые взорвать ситуацию от любого толчка, раздирали территорию и экономику. Нарастало противостояние национальных групп. Страна была на грани распада.

Фактически вся территория уже растаскивалась на куски огромные лакомые, с вожделенными природными богатствами разрозненным дезориентированным народом. Где-то собирал «урожай» Китай, где-то Япония. «Белые братья» тоже не отставали в делёжке пирога. Почти с зеркальной точностью во времени отобразилась картина, предшествующая 1917 году. Всё те же аппетиты, всё та же Антанта.

И если бы не новая партия большевиков, которую возглавил народный вождь Ладимир, гибель державы стала бы неизбежной. ВКПб использовала опыт предшественников — их главные стратегические планы были позаимствованы у братьев-большевиков из двадцатого столетия. Стратегия сработала, и ВКПб смогла демобилизовать армию и народ, поднять на восстание против компрадорской буржуазии и её аппарата.

Вторая Великая октябрьская революция была именно великой — неудержимая волна народного гнева смела систему коррупционеров, смыла её в отстойники мировых помоек. Все финансы были бро-

шены на вооружение, укрепление армии и охрану границ. Красная Армия встала на рубежах родины насмерть! Войска на базах НАТО, готовые воевать за деньги, но не готовые за них умирать, замерли в ступоре. Нет, попытки авианалётов были, но все они закончились крахом. Сбивать самолёты мы не разучились. Использовать другое, опасное для всех оружие никто не помышлял.

Одновременно с успехами на внешних фронтах шла индустриализация страны. Один за другим начинали работать заводы, разваленные и разграбленные в девяностые и нулевые. Их восстановление требовало героического труда – подвига на трудовом фронте. Но люди, понимали, что речь идёт о жизни и смерти, работали без отдыха. Постепенно промышленность вставала с колен.

Прошло всего десять лет, и картина мира изменилась до неузнаваемости. К Стране Советов присоединились ранее отделившиеся республики, которые после буржуазной революции в девяностые годы получили независимость, а на самом деле — прозябали в нищете и феодальном мракобесии. Так, на добровольных началах был возрождён Советский Союз.

Налаживались СВЯЗИ между предприятиями. Заработали школы и ВУЗы, которые теперь готовили специалистов для промышне ориентировали ленности, a молодёжь в обслугу или на рынок продаж. Повсеместно шла ликвидация неграмотности. Народ годы господства буржуазии потевозможность просвещения. Огромные массы людей учились в школах писать, так как ранее даже изучение грамоты стало необязательным.

О безработице давно не было и речи. Наоборот, нежелающих работать - тунеядцев - ссылали в рабочие поселения, где они вынуждены были трудиться. И тоже стремились родителям в домашнем хозяйстве. Воспитание трудом, а не насаждением ювенальной юстиции, делало детей ответственными и привычными к труду с детства. Работали все. Любой труд стал почётным. Любой рабочий человек мог стать мастером своего дела, и все понимали, что рабочий или крестьянин не менее важен для страны, чем учёный или политик.

Всеобщая мобилизация в ряды Красной Армии помогала решать многие задачи - солдаты тоже трудились на стройках социализма. Большая сильная армия была необходима и для внутренней борьбы с белыми бандами. Эти преступные элементы вели подрывную работу по всей территории страны. Бывшие «хозяйчики», не сумевшие утечь за бугор, не могли смириться с потерей своих награбленных богатств. Но участь их была решена, несмотря на помощь западных доброхотов. Постепенно «белые банды» уходили в тайгу и болота.

В сёлах шла коллективизация, возрождались совхозы. Брошенные деревни заполнялись новосёлами. Одичавшие поля снова ушли под пахоту, засевались пшеницей, рожью, ячменём — всем, что необходимо было для жизни. Люди работали день и ночь, но энтузиазм не затухал. Работали ради будущего детей и внуков, верили в счастливую жизнь в могучей стране. И вера этих людей была ненапрасной.

Церковь во многом способствовала порабощению народа при буржуазном правлении, поэтому была ограничена в своих функциях. Никто не ссылал священников в места не столь отдалённые, не громил церквей, но сфера действия и количество их были резко сокращены. В общем, история начала двадцатого века во многом повторилась. Но теперь уже никто не заставлял людей отказываться от веры, становиться атеистами, выбрасывать иконы и церковные книги из домов. Религиозные взгляды каждого стали личными убеждениями, и никто не посылал агитаторов по заводам, не требовал, чтобы рабочие исповедовали атеизм.

Как я уже и говорил, первую скрипку в индустриальном возрождении Страны Советов играла наука. Все возможные средства, и технические, и финансовые, все талантливые мыслители брошены на развитие её отраслей. И результаты не заставили себя ждать. К 2055 году, из которого прибыл наш отряд, Советский Союз стал великой мировой державой. Именно в этом году появилась техническая возможность помощью Машины Времени расчётный временпопасть В ной промежуток. Остались лишь недоработки, связанные с точностью координат на местности. Но это уже не могло помешать в решении главной задачи – найти и обезвредить будущего «Герострата». Страна не могла рисковать своим будущим. Наш отряд тренирован, хорошо обучен. Может долгое время передвигаться без отдыха, если понадобится. Все участников двенадцать могут выжить в любых условиях. Без преувеличений.

Мы могли бы явиться в 2012 год в униформе, подобной той, в которую так любили обряжать роботов голливудские режиссёры. Но мы не роботы, и наша миссия требует не эффектных, а самых архаичных персонажей, которые не вызовут ничего, кроме улыбки. Вот вы уже вполне расположены к нашему отряду — накормили, пригласили на ночлег. Считаете нас актёрами! Ну, кто откажется помочь скоморохам в России?

Тёма обезоруживающе улыбнулся. И, словно по волшебству, из сурового комиссара превратился в обычного добродушного молодого парня.

- Хороший артист моментальное перевоплощение! отметил я.
- Ну, вот теперь отряд пойдёт горными тропами, чтобы не возбуждать лишнего шума. Чьё-то внимание лишь усложнит и удлинит наш путь. А мы не имеем права терять времени - слишком дорого обходится каждая минута пребывания в прошлом. Дорого и в буквальном смысле, и в смысле последствий от неправильных действий отряда. Село Иваньково находится в нескольких днях пути. Жаль, что для Машины Времени сотни километров - это всего лишь допустимая погрешность. Когда-то Машина будет усовершенствована, и погрешность станет минимальной. А пока есть то, что есть. В нашем распоряжении замечательный навигатор, так что сбиться с пути невозможно – это исключено. Рано утром выступаем
- Ну, за этим дело не станет накормим! сказал Максим. А вот скажите наше хозяйство, которое мы затеяли, хутор фермерский это как? Будут рево-

в поход. Как насчёт завтрака?

люционеры считать нас буржуями? Это же было первое, о чём вы спросили. Мы работаем сами, всё своим горбом создаём. Первоначальные средства заработали как наёмные сотрудники. Пусть это была паршивая, никчёмная фирма, но мы-то работали на совесть. Сейчас тянем хозяйство без чьейлибо помощи. Пашем с пяти утра и до тёмной ночи. Без выходных. Считайте – работаем на то же будущее. И что – нас раскулачат, как это уже было когда-то? Пустят по миру нищими, отправят в лагеря, детей наших – в детские дома? Детишек у нас пока нет, но надеемся, что будут.

 Не надо утрировать – никто не тронет тружеников. Думаю, отличить человека труда от паразита не так уж и сложно. Воры и коррупционеры - вот кто станет мишенью пролетариата. люционеры второй волны учтут многие ошибки Первой социалистической революции. Кроме того, не будет такой необходимости в разрушении старого мира, это происходило после 1917 года. В те времена шла борьба с вековым гнётом и отсталостью. Вторая революция сметёт только пену буржуазии, которая накрыла народ за последнюю четверть века. Да и техническое оснащение и информированность народных масс сейчас совершенно иные. Люди, даже и безграмотные, свободно владеют компьютером. Так что Вторая социалистическая революция это всерьёз и надолго! А вы правильно поступили, что забрались в горы и сделали жизнь своими руками. То, что человек заработал сам, никто не в силах отнять. Опыт остаётся навсегда, а любой эксперимент можно воссоздать заново. Но, повторяю, разруха придёт не от революционеров. Разруха достигнет апогея при правительстве продажной буржуазии. Вот эти хищники-паразиты способны разорить каждого. Вот кого нужно бояться! Так что держитесь, ребята! Ждать осталось недолго.

Спасибо, вы нас обнадёжили!
серьёзно в тон комиссару отозвался Максим.

Сыграл или проникся важностью полученной информации? Со стороны это было трудно понять. А я, честно говоря, слушая Тёму, поймал себя на том, что воспринимал его как реального пришельца из будущего. Вот как хочешь, друг мой, но это было так. Именно реальный, именно — из будущего.

10. В ПОИСКАХ ГОРБИ

М ежду тем, друг мой, в горах царствовала сухая листопадная сентябрьская ночь. Стояла удивительная тишина. Только иногда слышен был голос какойто ночной птицы. Казалось, мир остановился. Спали звёзды в омуте космоса, не вращались галактики. А Земля висела в пустоте сама по себе, как пушинка одуванчика. И только неутомимый бег времени приближал стрелки будильника к половине третьего. Нужно было немного отдохнуть — поспасть хотя бы часа два.

В пять утра ферма наша оживала – начиналась машинная дойка. Мы с Максимом никогда не нарушали распорядка дня. Мы ещё пережили бы это, но коровы... Эти «дамы» не прощали отступлений от привычных процедур. Мгновенное снижение надоев, болячки и прочие прелести животного мира грозили нерадивому хозяину лишней работой и убытками. А сегодня на плечи фермеров свалились неожиданные заботы – нужно было накормить двенадцать апостолов из будущего. Ну, или двенадцать актёров - что тоже не легче. Договорились - Максим займётся приготовлением завтрака, а я отправлюсь на ферму.

Уснуть не получилось. Я долго ворочался с боку на бок. Со двора

доносился мерный хруст – лошади жевали сено, пристукивали копытами, фырчали во тьме. Собаки ворчали и взлаивали, потревоженные непривычными гостями. Небо уже посветлело, близился рассвет. Подала голос синица, ранняя птица, разом запели наши петухи – значит, пора подниматься. Я встал, умылся и двинулся на ферму. Задал коровам сена. Включил механизм дойки. Всё шло своим чередом. Я знал, что Максим уже готовит завтрак – скорее всего, макароны по-флотски – с тушёнкой, самый быстрый и сытный горячий завтрак перед дальним походом. Захватил ведро молока, понёс гостям. Это будет хорошей добавкой к горячему.

Апостолы уже сидели за столом на веранде. Я не ошибся — Максим приготовил именно макароны с тушёнкой. Соблазнительный аромат походной еды витал над поляной.

 А вот и молоко подоспело,
 сказал я и поставил ведро на тумбочку рядом со столом. Большой кружкой разлил молоко по стаканам. Мне помогал молодой солдатик – разносил угощение по местам. Нарезанный хлеб горками разложен был между тарелками и кучками красных и жёлтых помидоров. Апостолы Страны Советов завтракали, негромко переговариваясь о чем-то своём, пересмеиваясь. Казалось — никакого дальнего похода впереди, просто собрались вместе за столом люди, которые хорошо знают друг друга, понимают с полуслова, с полувзгляда. Собрались пообщаться ранним утром, повидаться да и разойтись по своим делам.

И только тачанки — упряжки, готовые к дальнему пути, нагруженные оружием, говорили о том, что всё не так просто. Но завтрак закончился, сказаны были слова благодарности за приют и угощение. Апостолы, накинув шинели и краснозвёздные шлемы, превратились в армейский отряд. Жаль, что Тёма запретил нам фотографировать своих воинов. Это были бы потрясающие кадры. Но ослушаться его не посмели — мало ли что! Оружие иногда стреляет само по себе.

- Ну, удачного вам пути! сказал я.
- Отличного выполнения воинского задания! рявкнул Максим голосом маршала.

Тёма засмеялся, махнул рукой, и отряд снялся с места. Через десять минут всё затихло, только еле слышно доносился издалека, с петляющей, уходящей ввысь тропинки, глухой стук копыт и железное лязганье тачанок. Минут через сорок пять отряд стал виден на подъёме к верховому маральему пути, но звуки уже не слышались совсем.

- Ну, вот и познакомились с Терминатором. Кто бы мог подумать! – сказал я.
- Ну, да. Ещё вчера ни сном,
 ни духом. А сегодня можем гордиться – пообщались с бойцами
 Красной Армии. Одна их секрет-

ная миссия чего стоит! — засмеялся Максим.

- Артисты куда с добром! Талантливые люди! Не знаю, как ты, но я получил удовольствие игра была просто класс!
- Всё-таки люди до старости остаются детьми. Вот мы с тобой – поиграли и рады!
- А что может быть, станем звёздами кино, когда фильм выйдет в прокат.
- Ладно, звезда, пошли коровник чистить, коров на пастбище пора гнать.

День продолжился обычным порядком. Коровы отправились на пастбище – в верхнюю пойму. С ними остался сторож Смелый. Мы с Максимом занялись каждый своими хозяйственными делами. Максим чинил внедорожник. Я приготовил фляги с молоком для отправки на сырзавод. Погрузил в багажник. Накормил собак, кошек, кроликов. Поставил воду в ванночки для пчёл - у нас уже два года рядом с домом на пригорке жила пасека из двух десятков ульев. Сентябрьский день обещал быть жарким, и вода нужна была для нормальной жизни пчелиных семей. Убирали мы их в пчельник только при наступлении холодных дней. Максим закончил ремонт и уехал на сырзавод.

Я взял косу, отправился за свежей травой для кроликов и коров. Вечером наши бурёнки любили похрустеть зелёным сеном в своих загонах. Мысленно прокручивал события последнего вечера и утра. Что же всё-таки случилось с нами? Что это за отряд Красной Армии, откуда прибыл, куда следует? Странные гости посетили нас. Сказка — не сказка. Быль — не быль. Фантастика да и только! Действительно, объяснить всё это

можно было лишь съёмками кино. Что-то другое просто не вписывалось в реальность.

— Что ж, Терминатор, желаю тебе, чтобы твоя миссия оказалась невыполнимой, — поймал себя на нечаянной мысли. — Зачем погибать невинному ребёнку, пусть даже и с таким странным именем

- Горби. Ну, вот опять - невольно включаюсь в чужой сценарий. Затягивает! Сказывается мальчишеское пристрастие к компьютерным играм. Золотое было время - первый уровень, второй уровень, Воин Света - десять жизней в подарок, Бессмертный... Пора взрослеть!

11. ОТРЯД ВОЗМЕЗДИЯ

К обеду вернулся Максим. Привёз рассказ — деревенский миф о Красноармейцах — будто бы бродит в горах Дух летучего отряда Красной Армии, отряда возмездия, который гонится по следу белых банд, укравших золотой запас целого Сибирского уезда. Но как будто бы — это только прикрытие. А на самом деле миссия отряда секретна и подлежит исполнению при любом раскладе. Но никто не знает, что это за миссия, хотя предположений много.

О конном вооружённом отряде рассказали пастухи. Отряд появился тогда, когда деревня опустела. С тех пор легенда об отряде возмездия, который пришёл с тайной миссией уничтожить буржуев, передавалась из уст в уста.

Но пока никому не удалось даже словом перекинуться с красноармейцами, а тем более близко столкнуться с конницей. Видели их только издалека и вроде бы в каком-то мареве, похожем на мираж. Люди к слухам относились по-разному — кто-то скептически, а кто-то, наоборот, считал видение Знаком божьим. Но ни те, ни другие не ждали ничего хорошего.

Рассказывали, что является отряд ближе к ночи, передвигается по складкам местности, по горным тропам. А марш-бросок у них дальний — через всю страну и

даже дальше: в Европу, в Америку. Везде должна вспыхнуть мировая революция, везде должны победить простые добрые люди. A кони у них – в золотой сбруе, красноармейцы – в железных латах и шлемах с рубиновыми звёздами. Комиссар у них громадного роста семи пядей во лбу, косая сажень в плечах. А видит он каждого насквозь и в глубь земли - на три метра. Никакому врагу от него не скрыться, всякого найдёт, каждого достанет и вытащит на суд божий. А воевать будут – до победного конца, пока ни одного буржуя на земле русской не останется. Да и другие народы освободят тоже. Для того и прибыли.

А вот откуда? Тут версий было множество.

Кто-то считал, что отряд сколотили красные партизаны, которые ушли в горы, чтобы воевать за Советскую власть, — те, кто примкнул к ГКЧП в девяностых. Вроде даже есть у них где-то, то ли в Тибете, то ли в Беловодье, город. Там и была постепенно собрана армия. Ну, вооружились, как водится — долго собирались с силами, и вот пришла пора! Теперь де пощады демократам не будет — всё вернётся на круги своя. Кто был ничем, тот станет всем.

Другие говорили, что отряд родом из Монголии, где кварти-

ровали части Красной Армии. Дескать, не знали солдатики, что революция случилась, что Советский Союз разрушился. Служили себе да и служили в пустынных безлюдных степях, пока монгольские ханы не пришли землю забрать под пастбища для своих несметных табунов. Вернулись солдатики домой, поняли, что народ в беде, да и встали под ружьё.

Третьи рассказывали о пришельцах из космоса — с космической советской станции. Там де космонавтов забыли, когда буржуи к власти пришли. Летали они летали, видят — что-то не так — никто не интересуется их работой. Никто не сигналит, мол, пора домой. А станция-то уже с орбиты ушла, того гляди, упадёт. Ну, сами спустились на Землю кое-как, разобрались, что почём, да и принялись воевать за справедливость.

Говорили ещё о том, это Воинство Божье, поминали Откровение Иоанна: «Я взглянул, и вот, конь белый, и на нём всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он как победоносный, и чтобы победить... И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нём дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч... Я взглянул, и вот конь вороный, и на нём всадник, имеющий меру в руке своей... И я взглянул, и вот конь бледный, и на нём всадник, которому имя смерть; и ад следовал за ним, и дана ему власть над четвёртою частью земли – умервщлять мечом и голодом, и мором, и зверями земными». Дескать, Воинство Божье пришло Суд совершить над угнетателями народа.

Много чего рассказывали, поэтому Максиму никто не поверил. Рассуждали вполне разумно

— не может такого быть, чтобы Красная Армия за пацаном гонялась. Кто мог такую дурацкую задачу бойцам выдать! Выдумал де парень. Слышал звон, да не знает, где он. Да и никому до сих пор поговорить с бойцами не удавалось, а тут—и ужином, и завтраком накормили. И расспросилито обо всём. Военный отряд, он же распространяться не будет, куда и зачем путь держит. Сказки парень рассказывает. Рекламу своему хутору делает—пиарщик, значит.

– А ведь Тёма был прав – никто не поверил твоим речам, – сказал я. – Об отряде слухи ходят, а всё равно не поверили. Не ясно только, откуда легенда взялась. Получается, отряд давно бродит в горах.

— Ну, тут можно догадаться. Помнишь, Тёма сказал, что только сейчас появилась техническая возможность попасть в нужное время и в нужное место.

 Да, точно! Значит, предыдущие явления отряда были экспериментами – неудачными попытками.

- Скорее всего, так.

На том и завершилась для нас история ночных пришельцев. Разговоры об отряде Красной Армии, правда, ещё долгое время бродили в райцентре и окрестностях. Над нами часто подшучивали местные острословы — кричали вслед «Асталависта, бэби!» Мы тоже не лезли за словом в карман и отвечали на грубость наглостью: «Ол би бэк!» За сим внедрение английского для всех заканчивалось.

* * *

Далее жизнь потекла проторенной колеёй. Мы сыграли свадьбы. Наши жёны стали самыми верными помощницами

и единомышленницами в горной фермерской жизни, да и в жизни вообще. Всё самое хорошее, сердечное и доброе, что ещё сохранилось на Земле, вошло в наши лома. Мы с Максимом счастливы. Ho иногда, среди этого счастья, вдруг всплывало каким-то лохматым куском тины предчувствие - ожидание неизвестной далёкой беды. Казалось, ничто не предвещало плохого, но вот это ощущение неизвестности не уходило. Вспоминался рассказ Тёмы, его слова «Держитесь, ребята!»

Время от времени выбирались в город, навещали рыжего друга Барселону. Он всегда бывал несказанно рад нашим приездам. Мне хотелось забрать кота с собой, но нужна была консультация специалиста, дельный совет, что нужно сделать, чтобы Барселона привык к новой жизни и не убежал в прошлое. Ведь если бы это произошло, то найти кота в бескрайних просторах гор, уже было бы невозможно.

Я думаю, друг мой, тебе будет интересно узнать и ещё одну новость.

12. ВЕРХИ НЕ МОГУТ, НИЗЫ НЕ ХОТЯТ

М есяц спустя после встречи с красноармейцами и Тёмой в местной прессе промелькнуло никем не замеченное странное сообщение. В нём говорилось, что в селе Иваньково Горянского края неизвестно откуда появился военный отряд Красной Армии – скорее всего, это были съёмки исторического фильма. Красноармейцы на славу поработали в местном Доме ребёнка – отремонтировали детскую площадку, обновили интерьер комнат и под благодарственные речи сестёр, нянечек и директора отбыли в неизвестном направлении.

Помогли они и ещё в одной скорбной нужде — усыновили мальчика — Горби Сергеева. И стал этот годовалый малыш «сыном полка». Обещали вырастить его суворовцем, защитником Родины. Правда, их несколько странные речи по поводу того, что «историю можно изменить и так», никем поняты не были. Но главное не это. Главное, что ребёнок обрёл семью. Сын полка — не самая плохая судьба для сироты!

Далее в заметке был обнародован текст благодарности бойцам от краевого начальства и общественности.

Мы с Максимом прибрали районную газету «Заря» и время от времени вечерами зачитывали это оптимистическое сообщение местного корреспондента Ивана Правдина. Рассказывали своим «половинкам» об одном осеннем сентябрьском вечере, когда произошла встреча с Терминатором, которого бойцы звали Тёмой.

Жёны терпеливо слушали наши речи, но, однако, над сказками о будущем смеялись. Мы прощали им это – кто бы мог сейчас поверить, что Россию ожидает вторая волна рабоче-крестьянской революции. Единомышленницы наши были образованными, информированными и **УМНЫМИ** гражданками. Сказки любили, но только как литературный жанр. Советовали нам стать первыми в истории фермерами – писателями. Смеясь, уговаривали использовать шанс и прославиться, как это сделали когда-то Ильф и Петров.

Осталось, друг мой, рассказать о том, как рухнула наша мечта. Тёма оказался прав – разруха пришла именно оттуда – от буржуазии. Некий воротила положил глаз на обжитое место – на воскресший из небытия посёлок Красноармеец. Случайно набрёл в Интернете на фотографии, которые мы сами же и разместили на своих страничках. Задумал отстроить здесь туристический кемпинг с подъёмником на вершину и высокогорной охотой в кедровых лесах. Очень уж рельеф подходящим оказался. С нами церемониться не собирался – мало ли кто под ногами путается.

Сначала предложил вывезти ферму и наши дома, выплатить компенсацию за ущерб. Но после того как мы отказались, ферма сгорела — якобы от замыкания электропроводки. Так постановила прибывшая неизвестно откуда следственная бригада. Так что о компенсации никто более не заговаривал. На нет, как говорится, и суда нет.

Без фермы в горах выжить с семьями было невозможно. Восстанавливать - бессмысленно. Уж если краденные деньги у кого-то горели в руках и был найден способ отмыть их, остановить процесс, конечно, уже не удалось бы. Наш героический труд, опыт, мечты о будущем детей и внуков продолжателей дела отцов – всё это в один миг рухнуло под завалами чьих-то «грязных» денег. Так погибают города и сёла, которые оказываются на пути селевой лавины. Воевать с бандитом-воротилой не решились - не могли рисковать детьми, жёнами нашими любимыми.

Что и говорить, друг мой, – нам пришлось покинуть Красноар-

меец. Знакомой дорогой, которая когда-то вела к мечте и счастью, вернулись в уже забытый, а нашим детям не знакомый и чужой город. Мы все, и дети тоже, держались друг за друга, никогда не падали духом, считали – нет безвыходных положений. Никто из нас не сломался, не опустил рук, но жизнь надо было начинать заново.

* * *

Вот так, друг мой, страна постепенно скатывалась в омут известной формулы «Верхи могут, низы – не хотят». Так когдато вождь трудового народа определил революционную ситуацию. А мы с Максимом всё чаще вспоминали ночного гостя, красного комиссара Тёму. Мечтали встретиться с ним, когда пересекутся временные координаты. Ведь это вполне могло произойти, например, в 2040 -50-м году, когда Тёма станет уже сознательным гражданином. А мы к тому времени, хотя и превратимся в дедушек, но ещё будем резвы и способны узнать нашего комиссара.

Мечталось, сладко мечталось, что наш опыт фермерства пригодится в новой справедливой жизни. И мы станем героями, пострадавшими от рук империалистов. Может быть, нас даже наградят. А главное, хотелось когда-то, пусть и не скоро, вернуться в Красноармеец, наполнить его дома осмысленной жизнью, детскими голосами.

А между тем время прорывалось сквозь хаос и суету, как некогда делали это мы, и приближало 2025 год.

Дети наши, как мы ни сопротивлялись судьбе, провели своё детство всё в том же городе, где по-прежнему неприкаянно слонялась безработная молодёжь, где

быть надежд на счастливое будущее. Но мы всё равно надеялись, хотя бы потому, что дети быстро освоились в городе. Горная трудовая жизнь сделала своё дело научила их справляться с любыми

пока ни у кого не было и не могло

трудностями. Я же радовался и тому, что о бывшем большом хозяйстве напоминал мне верный друг – рыжик

природой воплотились в нём. Рыжий мудрец против этого не возражал. Только иногда в его зелёных глазах мерещился некий укор. Может быть, коту, как и человеку, мечталось о настоящей свободе и лучшей жизни. Как говорили древние: «Sic transit gloria mundi».

Барселона. Теперь все хозяйствен-

ные заботы и общение с живой